

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-191-196>

Современные стратегии противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности

Магнатов Юрий Сергеевич

Борский городской суд Нижегородской области, Бор, Россия, magnutov_u_s@mail.ru

Аннотация. Почти двадцать лет действия Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» дают основание для демонстрации сформированной на данный момент стратегии противодействия организованным формам экстремистской деятельности, представленной в развитии процесса криминализации и уголовно-правовой адаптации деяний, закрепленных в статьях 282¹ и 282² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Заложенный в них репродуктивный потенциал позволил усовершенствовать механизмы борьбы с распространением экстремистских сообществ и экстремистских организаций. Вместе с тем продолжающийся рост протестных настроений, увеличение количества и повышение уровня организованности экстремистских сообществ и экстремистских организаций требуют продолжения модернизации курса уголовной политики в этой области. Это возможно как путем устранения имеющихся внутриотраслевых коллизий, так и более глубокой дифференциации ответственности.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистское сообщество, экстремистская организация, безопасность, противодействие, соучастие

Для цитирования: Магнатов Ю. С. Современные стратегии противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 191—196. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-191-196>.

Original article

Modern strategies for countering special organized forms of extremist activity

Yuriy S. Magnutov

The Borsky City Court of the Nizhny Novgorod Region, Bor, Russian Federation, magnutov_u_s@mail.ru

Abstract. Almost twenty years of operation of the Federal Law no. 114-FZ of July 25, 2002 “On Countering Extremist Activities” provide grounds for demonstrating the currently formed strategy of countering organized forms of extremist activity, presented in the development of the process of criminalization and criminal-legal adaptation of the acts enshrined in Articles 282¹ and 282² of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation). The reproductive potential embedded in them made it possible to improve the mechanisms for combating the spread of extremist communities and extremist organizations. At the same time, the continuing growth of protest sentiments, an increase in the number and an increase in the level of organization of extremist communities and extremist organizations require the continuation of modernization of the course of criminal policy in this area. This is possible both by eliminating existing intra-industry conflicts and by deeper differentiation of responsibility.

Keywords: extremism, extremist community, extremist organization, security, opposition, complicity

For citation: Magnutov Yu. S. Modern strategies for countering special organized forms of extremist activity. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 191—196. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-191-196>.

© Магнатов Ю. С., 2021

Стратегия противодействия специальным формам экстремистской деятельности (то есть общественно опасным формам поведения, предусмотренным статьями 282¹ и 282² УК РФ) имеет уже не малую историю. Официально она была начата в 2002 году в результате принятия Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1]. Сегодня мы приближаемся к 20-летию юбилею этого нормативного правового акта, что предполагает возможность проследить эволюцию государственного стратегического планирования в борьбе с экстремизмом, затронувшего все отраслевые законодательства.

Идея стратегического государственного планирования, с нашей точки зрения, — это аксиома, то есть не требует доказательств. Вместе с тем не можем не подчеркнуть ее значимость в противодействии экстремистским угрозам на основе демонстрации следующих значимых фактов.

Во-первых, наличие социальной, политической и экономической напряженности в России создает благоприятные условия для распространения экстремистских идеологий и, как следствие, роста их приверженцев. Это подтверждается не только теоретическими моделями причин преступности, где к основополагающим детерминантам относят низменные человеческие инстинкты (ненависть, корысть и зависть) [2], но и цифры, указывающие на неуклонный рост количества экстремистских организаций, деятельность которых запрещена в Российской Федерации, а также их членов. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, на сентябрь 2021 года таких общественных объединений и религиозных организаций — 88 [3]. Не менее интересным в этой связи видится и перечень экстремистов и террористов, который также ведется специальным государственным органом — Росфинмониторингом. Их количество превышает 11 тысяч участников [4].

Во-вторых, переоценка угроз, взятие нового конституционного курса, предполагающего глубокую социальную ориентированность всей государственной политики, дают основания для развития очередного этапа противодействия экстремизму и его специальным формам под влиянием положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, подписанной Президентом Российской Федерации 2 июля 2021 года. В разрезе проводимого исследования особое значение имеет следующее: неукоснительный рост экстремистских настроений приводит не только к

нарушению основных прав и свобод человека и гражданина, но и к разрушению экономики, то есть экстремизм оказывает очень серьезное дестабилизирующее влияние на государственную общеполитическую обстановку, что прослеживается в пропаганде идеологий и, как следствие, в вовлеченности российской молодежи в их деятельность [5]. Это, безусловно, трансформирует содержание характера и степень общественной опасности, исходящей от взятого для рассмотрения явления.

В-третьих, обоснованность такого рода стратегического планирования обусловлена активно развивающимся уголовно-правовым противодействием специальным формам экстремистской деятельности, на анализе которых далее и будет продемонстрирована реализация наиболее эффективных превентивных мер, нацеленных на снижение уровня их организованности.

Вышеизложенное дает основание утверждать, что противодействие экстремизму как особого рода групповой противоправной деятельности конечно же должно иметь собственную стратегию, базовые положения которой отражены как в Стратегии национальной безопасности, так и в Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года [6].

Обратившись к последнему документу, отметим его наиболее знаковые положения, нацеленные на снятие коллизий и устранение пробелов, возникших в рамках применения положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и отдельных отраслевых законодательств, в частности, подчеркнута необходимость конкретизации положений данного акта. Это особенно актуально в выстраивании инструментов уголовно-правового противодействия специальным формам экстремистской деятельности, на развитии которых и сконцентрируем свое внимание.

Первый эволюционный этап, способствующий выстраиванию собственной стратегии борьбы с групповыми формами экстремистской деятельности связан с принятием вышеназванного федерального закона, повлекшего включение в УК РФ ранее не известных законодательству уголовно-правовых запретов, закрепивших ответственность за организацию экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации, тем самым разместив их в главе 29 уголовного закона (ст. 282¹ и 282² УК РФ). Таким образом была определена новая законодательная позиция и установлены четкие

правовые границы между экстремизмом и терроризмом, что прекратило одну из наиболее активных дискуссий в соотношении этих явлений. Подобный прием позволил выстроить более полный курс уголовной политики в области противодействия деяниям экстремистского и террористического толка путем более точечного реагирования на угрозы, исходящие от них путем криминализации новых деяний в 24 и 29 главах УК РФ. Однако это не только не решило методологические проблемы во взятой для рассмотрения области, но породило и новые.

Серьезную неопределенность в правовую оценку деяния, закрепленного в статье 282¹ УК РФ, внесло ее название и содержание диспозиции. После определения его как экстремистского **сообщества** сразу же возник вопрос о форме соучастия, сквозь призму которой и должны устанавливаться юридически значимые признаки такого рода преступно-группового поведения.

Термин «сообщество» в уголовном законодательстве встречается как в Общей, так и в Особенной части. В Общей части отмеченная юридическая категория положена в основу выделения самостоятельной формы соучастия — преступное сообщество, в которой определены ограничительные, отличительные и собственные ее признаки, позволяющие дифференцированно подходить к оценке преступлений, совершаемых в соучастии. Эти же характеристики представлены и в статье 210 УК РФ.

Примененный юридический прием свидетельствует об отсутствии каких-либо методологических противоречий между базовыми положениями и признаками преступного сообщества, ставших основой для формирования собственного уголовно-правового запрета. К таковым, в соответствии с частью 4 статьи 35 УК РФ, отнесены следующие:

— наличие двоякой цели — совершение тяжких или особо тяжких преступлений и получение материальной выгоды;

— особая структурированность организованной группы;

— возможное наличие объединения организованных групп под единым лидером.

Указанные характеристики преступного сообщества уточнены в статье 210 УК РФ.

Вводя в уголовно-правовой оборот термин «сообщество» и придав ему статус самостоятельной формы соучастия, законодатель поддерживал его однообразное толкование в разрезе реализации направлений уголовной политики в противодействии преступности

организованного формата. Однако в 2002 году в связи с дополнением статьей 282¹ УК РФ представленная позиция существенно изменилась.

Полисемия, то есть неопределенность, представленная в статье 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества», породила массу проблем в применении ее положений. Связано это с тем, что, исходя из содержания признаков экстремистского сообщества, указанных в части 1 статьи 282¹ УК РФ, невозможно однозначно определить, к какой форме соучастия необходимо относить такого рода специальную организованную форму экстремистской деятельности. На это обращало и обращает внимание множество ученых, которые до сих пор в итоге не пришли к единому мнению, что, как мы считаем, вполне обосновано.

Большинство представителей первого подхода, буквально толкуя положения части 1 статьи 282¹ УК РФ, расценивают экстремистское сообщество сквозь призму признаков организованной группы [7, с. 392—402; 8, с. 49—53; 9, с. 66—68].

В доктрине уголовного права встречается полярная точка зрения, в рамках которой настойчиво предлагается рассматривать экстремистское сообщество как форму сообщества преступного [10, с. 12—15; 11, с. 57—59; 12, с. 289—299]. При этом ее сторонники ссылаются на соответствии части их признаков (например, на возможное наличие структурных подразделений, отдельная криминализация руководства экстремистским сообществом, создания объединения организаторов или руководителей), что однозначно не соответствует признакам обычной организованной группы. При доказывании данной точки зрения приводятся и более наукоемкие аргументы, в частности, положениями интерпретационных актов и примерами судебно-следственной практики. Особо это видно в разрезе правоприменения статьи 282¹ УК РФ до принятия в 2011 году постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Обратившись к положениям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», устанавливаем, что как объединение организованных групп, так и их организаторов — это

признак преступного сообщества. Это касается и отдельного выделения руководства преступным сообществом [13]. Периодически от этого отталкивался и Верховный Суд Российской Федерации, имея при этом полярную позицию. В одном из решений, от февраля 2010 года, отмечено, что экстремистское сообщество не должно обладать признаками сообщества преступного, так как достаточно лишь установления признаков устойчивости организованной группы [14]. В другом [15] от августа 2010 года, приведены принципиально иные характеристики экстремистского сообщества, прямо схожие с признаками сообщества преступного: наличие устава, руководителя, наличие определенной структуры, символики, дисциплины, системы мер воздействия на ее нарушителей. Почему же поменялась позиция судебных инстанций в определении признаков экстремистского сообщества после 2011 года?

Ответ очень прост. Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» в императивном формате определил, что экстремистское сообщество — это разновидность организованной группы, тем самым четко продемонстрировал свою ограничительную позицию по рассматриваемой проблеме [16]. О целесообразности такого решения необходимо поразмышлять и высказать авторские позиции за и против.

Безусловно, необходимо поддержать отмеченное мнение. Неоднозначность практики применения статьи 282¹ УК РФ сквозь призму разных форм соучастия не допустима, так как сведет на нет эффективность превентивного воздействия на специальные организованные формы экстремистской деятельности, однако и предложенный судебной властью прием также может быть подвержен и критике.

Полагаем, что в статье 282¹ УК РФ заложена глубокая репродуктивная функция, позволяющая задуматься о необходимости дифференциации ответственности за организацию экстремистского сообщества в двух самостоятельных формах соучастия: организованной группе и экстремистском сообществе. С учетом того, что вторая из предлагаемых форм отсутствует в статье 35 УК РФ, а рассматривать ее на основе признаков сообщества преступного недопустимо из-за наличия их существенных, юридически значимых отличий друг от друга, то мы предлагаем дополнить статью 35 УК РФ частью 4¹ УК РФ,

в которой закрепить понятие экстремистского сообщества как новой формы соучастия.

Обращаясь к положениям Общей части УК РФ, в рамках части 4 статьи 35 УК РФ продемонстрируем следующую полисемию: в рамках указанной нормы законодатель использует как синонимичные понятия «преступное сообщество» и «преступная организация».

В разрезе противодействия специальным организованным формам преступной деятельности с признаками экстремизма такие смежные понятия, как «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация», обладают принципиально разными криминообразующими признаками, что дает легитимное основание для признания их самостоятельными формами исследуемой разновидности организованной преступности. Полагаем, что данная проблема должна привлечь внимание как научной общественности, так и представителей законодательных органов, поскольку эффективность применения норм уголовного закона напрямую зависит от единообразия в толковании терминологического инструментария, используемого в нормах Общей и Особенной частей УК РФ.

Подводя итог проведенному исследованию, констатируем следующее:

— сегодня четко сформирована стратегия противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности, которая представлена в рамках статей 282¹ и 282² УК РФ;

— существенная трансформация этих норм в течение последних 20 лет показывает, что законодатель, передавая волю государства, находится в стадии активного поиска эффективных уголовно-правовых инструментов для борьбы с распространением на территории Российской Федерации экстремистских сообществ и экстремистских организаций;

— в момент криминализации этих деяний в них была заложена функция, позволяющая сегодня модернизировать курс уголовной политики во взятой для исследования области, тем самым и далее создавать эффективные юридико-технические преграды для расширения организованной преступности экстремистской направленности.

Список источников

1. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3029.

2. Фромм Э. Величие и ограниченность теории: монография. М.: АСТ, 2011. 221 с.

3. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 20.09.2021).

4. Перечень террористов и экстремистов (весь список). URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 20.09.2021).

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 20.09.2021).

6. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005290036> (дата обращения: 20.09.2021).

7. Петрянин А. В. Отзыв официального оппонента о диссертации З. М. Бешуковой «Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 2. С. 392—402.

8. Мондохано А. Н. Экстремистское сообщество — организованная группа или преступное сообщество? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 1 (15). С. 49—53.

9. Борисов С. В. Соотношение уголовно-правовых понятий «организованная группа», «преступное сообщество (преступная организация)» и «экстремистское сообщество» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 2 (17). С. 66—68.

10. Алехин Е. В. Соотношение понятий «экстремистское сообщество» и «преступное сообщество (организация)» // Право и правопорядок: вопросы теории и практики: сборник научных трудов / под общ. ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск, 2018. С. 12—15.

11. Фридинский С. Н. Совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с организацией экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) // Юристы-Правоведь. 2007. № 1 (20). С. 57—59.

12. Петрянин А. В. Ответственность за преступления экстремистской направленности: особенности юридико-технического конструирования норм российского уголовного законодательства // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические

аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 289—299.

13. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 8, август.

14. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2010 г. № 47-009-82. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_44216.htm (дата обращения: 20.09.2021).

15. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2010 г. № 9-О10-40. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_46728.htm (дата обращения: 20.09.2021).

16. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8, август.

References

1. On amendments and additions to the legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law “On Counteracting Extremist Activity”: federal law no. 112-FZ of July 25, 2002. *Collected Legislation of the RF*, 2002, no. 30, art. 3029. (In Russ.)

2. Fromm E. The greatness and limitations of Freud's theory: monograph. Moscow: AST Publ., 2011. 221 p. (In Russ.)

3. The list of public associations and religious organizations, in respect of which the court adopted a final decision on the liquidation or prohibition of activities on the grounds provided for by federal law of July 25, 2002 no. 114-FZ “On Counteracting Extremist Activities”. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (accessed 20.09.2021). (In Russ.)

4. List of terrorists and extremists (the entire list). URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (accessed 20.09.2021). (In Russ.)

5. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (accessed 20.09.2021). (In Russ.)

6. On the approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025: decree of the President of the Russian Federation no. 344 of May 29, 2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005290036> (accessed 20.09.2021). (In Russ.)

7. Petryanin A. V. Review of the official opponent on the thesis of Z. M. Beshukova "The mechanism of criminal law countering extremist activity: content, structure, main directions of optimization", submitted for the degree of Doctor of Law, specialty 12.00.08. *Actual problems of economics and law*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 392—402. (In Russ.)

8. Mondohono A. N. An extremist community — an organized group or a criminal community? *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2010, no. 1 (15), pp. 49—53. (In Russ.)

9. Borisov S. V. Correlation of the criminal law concepts "organized group", "criminal community (criminal organization)" and "extremist community". *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*, 2010, no. 2 (17), pp. 66—68. (In Russ.)

10. Alekhin E. V. Correlation of the concepts of "extremist community" and "criminal community (organization)". *Law and law and order: issues of theory and practice: collection of scientific papers* / ed. by S. Ye. Turkulets, E. V. Listopadova. Khabarovsk, 2018. Pp. 12—15. (In Russ.)

11. Fridinsky S. N. Improvement of criminal law measures to combat the organization of an extremist community (Art. 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Lawyer-Lawyer*, 2007, no. 1 (20), pp. 57—59. (In Russ.)

12. Petryanin A. V. Responsibility for crimes of an extremist orientation: features of the legal and technical

design of the norms of Russian criminal legislation. Current state and ways of development of criminal law of the Russian Federation: scientific and educational and methodological aspects: materials of the All Russian scientific and practical conference dedicated to memory professors of the department of criminal law V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsova / ed. by V. F. Lapshin. 2016. Pp. 289—299. (In Russ.)

13. On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (it): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 12 of June 10, 2010. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2010, no. 8, August.

14. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation no. 47-009-82 of February 4, 2010. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_44216.htm (accessed 20.09.2021). (In Russ.)

15. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation no. 9-O10-40 of August 26, 2010. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_46728.htm (accessed 20.09.2021). (In Russ.)

16. On judicial practice in criminal cases on crimes of extremist orientation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11. of June 28, 2011. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2011, no. 8, August. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.10.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 13.12.2021.

The article was submitted 21.10.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 13.12.2021.